9. Mazur, Ju.Ju. Identichnost' v uslovijah globalizacii i regionalizacii // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2013. Vyp. 6.

10. Maljavin V. Rossija mezhdu Vostokom i Zapadom: tretij put'? // Inoe. Hrestomatija novogo rossijskogo samosoznanija. M., 1995. T. 3.

11. Lemke M. Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg. Spb., 1909.

12. Nikitina, I.V. Mentalitet v civilizacii i kul'ture Vostoka i Zapada // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2009. № 2.

13. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskusstva // Krizis soznanija. M., 2009.

14. Polezhaev D.V. Ideja mentaliteta v russkoj filosofii «zolotogo veka»: monografija. Volgograd: Izd vo VolGU, 2003.

15. Polezhaev D.V. Nacional'noe soznanie: mental'noe osmyslenie fenomena // Filosofija social'nyh kommunikacij / VIJeSP. 2011. № 1 (14). S. 49–54.

16. Polezhaev D.V. Rossijskaja identichnost' v istoricheskoj dinamike: mental'nye aspekty issledovanija // Primo Aspectu. 2015. T. 20. № 2 (155). S. 29–34.

17. Polezhaev D.V. Russkij mentalitet: opyt social'no-filosofskogo analiza: dis. … d-ra filos. nauk: 09.00.11. Volgograd, 2011.

18. Polezhaev D.V. Russkij mentalitet: social'no-filosofskoe osmyslenie: monografija / VGIPK RO. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007.

19. Chaadaev P.Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma: v 2 t. M.: Nauka, 1991. T. 1.

Russia – dialogue of cultures between "East" and "West": aspects of philosophy of history

The article deals with the historiosophicalaspects of the issue of cooperation of the eastern and western cultural components in the Russian historical mind. The philosophic comprehension of the Russian history is based on the works by both domestic thinkers of the end of XIX –beginning of the XX centuries and by modern historians, political experts and social philosophers. The issue of the search for "the Russian way" in history and culture is urgent for the domestic and foreign social and classical knowledge.

Key words: *philosophy of history, mentality, mental guidelines, "Westerners" and "Slavophil", historic thinking, national idea of the dialogue of cultures.*

(Статья поступила в редакцию 30.09.2016)

Е.В. ПЕРЕРВА
(Волгоград)

МАРКЕРЫ СТРЕССА У САРМАТОВ I–II вв. н. э. НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (палеопатологический аспект)*

Исследуется характер проявления маркеров стресса у представителей среднесарматского времени. Костные останки как источник исследования происходят из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. При проведении палеопатологического анализа использовалась методика палеопатологического обследования, разработанная А.П. Бужиловой (1995, 1998).

Ключевые слова: *маркеры стресса, палеопатология, сарматы, Нижнее Поволжье.*

Памятники среднесарматской культуры как культурно-хронологического явления были выделены П.Д. Рау в 1927 г. (StufeA) [55]. Среднесарматская культура иногда именуется сусловской по эпонимному памятнику – Сусловскому курганному могильнику, исследованному в 1924-м и 1926 гг. П.С. Рыковым [27].

Классическая схема хронологии среднесарматской культуры была разработана К.Ф. Смирновым, который отнес ее к концу II – началу I в. до н. э. Проблема смены раннесарматской культуры среднесарматской в современной сарматологии является одной из наиболее дискуссионных. К концу 80-х гг. XX в. накопился материал, указывающий на переживание некоторых раннесарматских элементов до рубежа эр, а основная часть среднесарматских комплексов датируется I в. н. э., граница между ранне- и среднесарматской культурами была отодвинута к рубежу эр, а само становление археологического комплекса среднесарматской культуры связывается с приходом в Волго-Донские степи из глубин Азии аланов [34; 36; 31; 32; 28; 29]. Ведущую роль в разработке проблем новой хронологии археологических комплексов среднесарматской культуры сыграли работы А.С. Скрипкина [34], И.В. Сергацкова [30], А.А. Глухова [15]. В результате их обобщающих исследований было установлено время существования среднесарматской культуры (I – вторая половина II в. н. э.).

* Работа выполнена в рамках реализации проекта № 15-01-00063 «Палеопатология сарматского населения Южнорусских степей», поддержанного грантом РГНФ.

© Перерва Е.В., 2016

Наряду с вопросами хронологии в археологии среднесарматской культуры существует еще ряд важных и до сих пор окончательно нерешенных проблем:

- широкое распространение в I – III вв. н. э. диагональных погребений [21, с. 179] как проблема, включающая несколько аспектов: хронологии таких комплексов; поисков истоков этого оригинального обряда; этнической интерпретации данной группы сарматских захоронений [18, с. 112–113; 78, с. 42; 35, с. 11–14; 14, с. 20];
- проблема этнической принадлежности диагональных погребений и собственно археологических комплексов среднесарматской культуры: роксаланы [37, с. 213–219]; аорский союз [18, с. 121]; аланы [33, с.129; 34, с. 214–220; 6, с. 85].

Что касается антропологического исследования материалов среднесарматской культуры, то в данном контексте следует отметить монографию М.А. Балабановой (2002 г.). В этой работе был обобщен весь имеющийся сарматский краниологический материал. Автор установила, что краниотип населения среднесарматской культуры, по сравнению с населением раннесарматской культуры, иной. Однако в нем присутствуют компоненты более ранней культуры, что указывает на их генетическую общность, а локальная изменчивость у средних сарматов также достаточно высока [5].

Палеопатологических исследований, посвященных исключительно носителям среднесарматской культуры, практически нет. Тем не менее отметим работы Д.Г. Рохлина [26], М.А. Финкельштейна [41], Е.Ф. Батиевой [8], А.П. Бужиловой [12; 13] и Е.В. Перервы [22; 23; 24], в которых затрагивались общие вопросы палеопатологии носителей сарматской культуры.

В настоящей работе предпринята попытка палеопатологического анализа костных останков представителей среднесарматской культуры, с целью выявления маркеров стресса, и с их помощью проведения возможной реконструкции образа жизни Нижнего Поволжья и Нижнего Дона в I – второй половине II в. н. э.

Материал и методика исследования. Материалом для исследования являются костные останки, датирующиеся среднесарматским временем как I – вторая половина II в. н. э. и происходящие из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Всего был изучен 171 костяк.

Определение пола проводилось на основе комплексного анализа некоторых морфологических признаков черепа, длинных костей и таза. Возраст детских останков определялся по степени развития и прорезания зубов [2, с. 54]. Оценка возраста половозрелых индивидов осуществлялась по степени изменения лобкового симфиза (шкала Тодда, модифицированная Мак-Керном и Стюартом), деструкции зубной поверхности и зубного ряда, степени дегенеративно-дистрофических изменений суставных поверхностей, главным образом, плечевой и бедренной костей [3], степени облитерации швов на черепе [2].

Следующим уровнем исследования являлся анализ маркеров стресса, выявленных на костных останках. Хорошо известно, что стресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на человеческий организм. Зная спектр основных причин, вызывающих стресс, заболевания и появление отдельных патологических состояний, можно реконструировать условия среды, а значит, особенности и условия жизни человека в самые древние исторические эпохи. При оценке проявления маркеров стресса использовалась методика палеопатологического обследования, разработанная А.П. Бужиловой [9; 10].

Половозрастная характеристика серии. В погребениях средних сарматов Нижнего Поволжья и Дона наблюдается незначительное (в 1,4 раза) превалирование мужчин над женщинами, что приближается к нормальным показателям (1,0, 1,1) (табл. 1). Полученные результаты в целом соотносятся с выводами других ученых: М.А. Балабановой [4; 5; 7], А.С. Скрипкина [34], Б.Ф. Железчикова [16; 17], В.М. Клепикова [19]. Различные показатели в соотношении полов, скорее всего, объясняются неоднородностью мигрантных сарматских групп, заселявших Южнорусские степи в I в. н. э.

Таблица 1

Половозрастные особенности среднесарматских групп

Средние сарматы				♂/♀
Возраст	♂(%)	♀(%)	S(%)	1,4
Infantilis 1	0(0)	0(0)	11(6)	
Infantilis 2	0(0)	0(0)	7(4)	
Uvenis	4(5)	2(3)	7(4)	
Adultus	34(39)	36(57)	71(42)	
Maturus	43(49)	19(30)	62(36)	
Senilis	7(8)	6(10)	13(8)	
Средний возраст смерти	37,2	34,2	32,5	
	35,9			
Всего	88	63	171	

Доля детской и подростковой групп в погребениях среднесарматского времени – 14% от общего числа исследованных костяков, что

намного ниже по сравнению с раннесарматским временем.

У ранних сарматов средний возраст смерти находится в пределе 35,9 года (см. табл. 1). Этот критерий имеет различные значения в гендерных группах. Так, в среднем мужчины жили дольше женщин практически на три года (см. табл. 1). Средний возраст смерти для взрослого населения составляет 35,9 года, а для суммарной серии с учетом детей – 32,5.

В целом же по локальным выборкам средний возраст смерти практически не различается, приближаясь к суммарным данным, что свидетельствует о сходном образе жизни, одинаковых способе ведения хозяйства и условиях обитания сарматских племен, несмотря на локальные различия.

Анализ маркеров стресса. Одним из наиболее часто выявляемых патологических состояний на черепных коробках мужчин и женщин среднесарматского времени являются пальцевидные вдавления на внутренней поверхности костей свода черепа (табл. 2). Данная патология обычно связывается с развитием такого заболевания, как синдром внутричерепной гипертензии. По мнению Д.Г. Рохлина, повышенное внутричерепное давление может возникать как следствие воспалительных и опухолевых заболеваний головы [26, с. 135].

Частота встречаемости признаков гипертензионного синдрома в мужской и женской выборке абсолютно одинакова – 25%. Причину, по которой четверть населения среднесарматской культуры страдала синдромом ВЧГ, в настоящий момент однозначно определить достаточно сложно. Вероятно, воздействие целого комплекса факторов, таких как агрессивная окружающая среда, образ жизни и стратегия питания вкупе с перенесенными в детстве воспалительными процессами и заболеваниями, приводило к широкому распространению признаков внутричерепной гипертензии.

Признаки холодового стресса проявляются на палеоантропологических материалах в виде васкулярной реакции – специфическом изменении надкостницы, отмечающемся в области надбровных дуг, по внешнему краю скуловых костей, глазниц, по периметру от Bregma, вдоль стреловидного шва, в затылочной области (см. рис. 1). Данный маркер принято отождествлять с последствием холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную погоду или в холодную погоду с повышенной влажностью [10, с.104–105; 1, с. 52–53] (см. рис. 1 на с. 221).

Признаки холодового стресса у средних сарматов чаще всего встречаются на надбровных дугах, теменных и затылочной костях в области лямбды. Узор «апельсиновой корки» в подавляющем большинстве отмечается у мужчин – 56 случаев, что составляет 73%, у женщин – 22 наблюдения, что составляет 37% (см. табл. 4). Такой большой процент проявления данного признака у мужчин, видимо, указывает на особый образ жизни и деятельности,

Таблица 2

Частота встречаемости генетически детерминированных признаков в среднесарматских группах

Признаки	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	Зубы								
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Диастемы	137	5	4	77	3	4	60	2	3
Краудинг	137	4	3	77	2	3	60	2	3
Гиподонтия M^3	137	13	9	77	6	8	60	7	12
Редукции	137	1	1	77	0	0	60	1	2
Другие аномалии	137	17	12	77	9	12	60	8	13
	Череп								
Метопический шов	137	10	7	77	4	5	60	6	10
Остеомы	137	20	15	77	15	19	60	5	8
Шовные кости	137	32	23	77	17	22	60	15	25
Родничковые кости	137	16	12	77	10	13	60	6	10
Пальцевидные вдавления	137	34	25	77	19	25	60	15	25
Краниостеноз	137	11	8	77	7	9	60	4	7
Другие аномалии	137	8	6	77	5	6	60	3	5

Рис. 1. Признаки васкулярной реакции на лобной кости среднесарматского мужчины

а несколько заниженные значения у женщин, возможно, связаны с тем, что они меньше подвергались воздействию холода.

Эндокринные нарушения. Так же, как и для большинства палеопопуляций, основным критерием присутствия в группе эндокринных нарушений являются следы внутреннего гиперостоза в виде волнообразных утолщений в лобной части черепа (рис. 2). По сравнению с ранними сарматами эндокринные нарушения у средних сарматов встречаются чаще. Так, лобный гиперостоз у кочевников I–II вв. н. э. был зафиксирован 10 раз (4 наблюдения у мужчин и 6 случаев у женщин) (см. табл. 4). Характерной особенностью, в отличие от ранних сарматов, у которых лобный гиперостоз в основном наблюдается у мужчин, у средних сарматов данное отклонение чаще фиксируется у женщин, что соотносится с палеопатологическими и клиническими данными [50, p. 323].

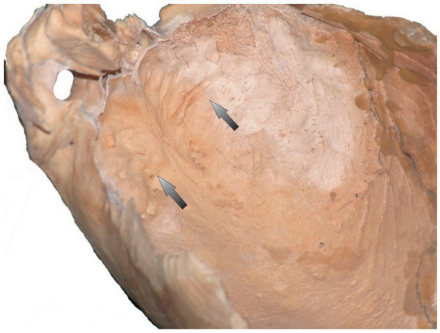

Рис. 2. Лобный гиперостоз у мужчины 40–45 лет из погребения 4 кургана 42 могильника Первомайский-VII

Лобный гиперостоз в 7 случаях отмечается у людей зрелого и престарелого возраста от 40 до 65 лет. У трех индивидов следы патологии отмечены у индивидов 30–35 лет. У всех зафиксирована степень «А» проявления патологии, характеризующаяся небольшой, изолированной, выделяющейся областью (не более 10 мм в диаметре) на передней части кости [50, p. 308–307].

Зубочелюстные патологии. Самым известным заболеванием зубов на настоящий момент считается кариес. Описано данное патологическое состояние на многих палеоантропологических материалах как в нашей стране, так и за рубежом. Кариес – гниение и разрушение тканей зуба (см. рис. 3), возникает в результате жизнедеятельности бактерий, которые всегда присутствуют в зубном налете на поверхности зубов [20, с. 391] (см. рис. 3).

По мнению С. Хиллсона, кариес зубов имеет строгую возрастную зависимость. Кроме этого, распространение кариеса зависит от количества потребления углеводов и сахаров: чем их в рационе больше, тем и заболевание развивается быстрее [51, p. 291]. В исследуемой выборке было выявлено 16 случаев кариозной болезни на зубах, т. е. 12% от общей численности взрослого населения. Данный показатель значительно меньше, чем в предыдущей раннесарматской серии, где частота достигала 24% (см. табл. 3). Случаев кариеса на молочных зубах или коронках детей и подростков не обнаружено. Имеются незначительные половые различия в проявлении заболевания. Кариес чаще фиксируется на материалах женской выборки. Несмотря на то, что ряд исследователей усматривают прямую зависимость в частотах встречаемости кариеса со степенью проявления признаков абсцессов и других периапекальных отверстий, в случае с материалами среднесарматской культуры таких связей не обнаруживается.

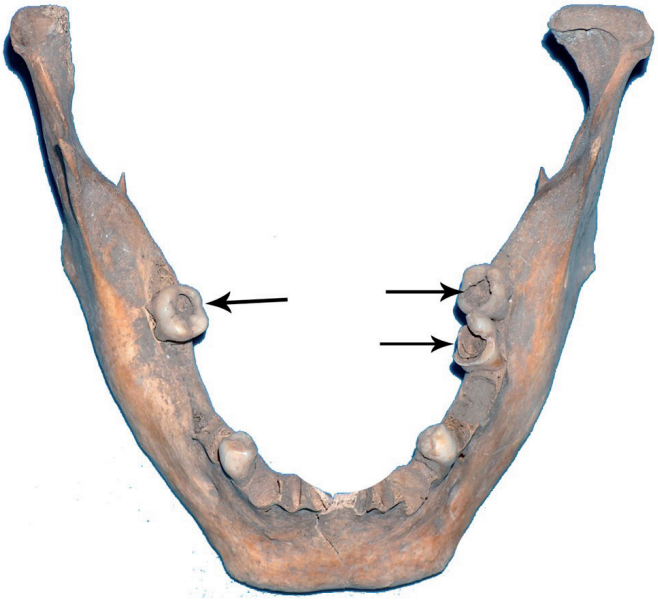

Рис. 3. Кариес моляров на нижней челюсти среднесарматского мужчины из погребения 1 кургана 37 могильника Аксай-II

Таблица 3

Частота встречаемости зубочелюстных патологий в сарматских группах

Признаки	Суммарная серия			Мужчины			Женщины			Дети		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Кариес	137	16	12	77	8	10	60	8	13	17	0	0
Абсцесс	137	31	23	77	20	26	60	11	18	17	0	0
Зубной камень	137	123	90	77	68	88	60	55	92	17	8	47
Эмалевая гипоплазия	137	55	40	77	34	44	60	21	35	17	4	24
Потеря зуба	137	52	38	77	31	40	60	21	35	17	0	0
Пародонтоз	137	73	53	77	47	61	60	26	43	17	0	0
Слом коронки	137	30	22	77	20	26	60	10	17	17	0	0

Наблюдается прямая зависимость в частотах встречаемости зубного камня, пародонтоза, признаков абсцесса и прижизненной утраты зубов. Наиболее часто фиксируемым патологическим состоянием зубной системы у населения I–II вв. н. э. являются минерализованные отложения на коронках зубов, которые имеются у 90% исследованных индивидов (табл. 3). Следы зубного камня отмечаются уже в детской выборке, начиная с самых ранних возрастов.

У средних сарматов проявляется специфический комплекс зубных патологий, который можно описать низким процентом встречаемости кариеса и высокими значениями зубного камня, пародонтоза и прижизненной утраты зубов. Конечно, данный набор имеет возрастную зависимость, что вполне естественно, т. к. зубные патологии с возрастом встречаются чаще. Гендерные различия в проявлении пародонтоза и прижизненной утраты зубов тоже присутствуют, но они не значительны.

Укажем еще несколько патологических состояний, зафиксированных на зубной системе представителей среднесарматской культуры. Так, в мужской выборке у 20% мужчин выявлены сломы коронок – один из вариантов механического стресса. Данный вид непредумышленных изменений мог возникнуть в результате употребления в пищу твердых продуктов или в процессе использования зубной системы в трудовой деятельности в качестве дополнительного орудия.

У пяти индивидов были зафиксированы так называемые интерпроксимальные желобки, которые располагаются на первом, втором или третьем молярах (чаще на вторых молярах) с проксимальной и дистальной стороны, в области шейки зуба, на верхней или нижней челюсти. Данная искусственная деформация зубов является одной из наиболее известных и распространенных среди древних народов различных эпох. Ранее на материалах с территории Нижнего Поволжья подобного рода дефекты были выявлены на материалах эпохи ранней и средней бронзы [23, с. 47–48]. Самые первые случаи интерпроксимальных желобков описаны на материалах Homoerectus из Пекина (Китай) и неандертальцев из Ла-Квина [44, p. 443]. В нашей стране подобного рода модификации зубов найдены С.С. Тур и М.П. Рыкун у 17 индивидов андроновской культуры Алтая [40, с. 191–199]. Присутствуют интерпроксимальные желобки и у ранних сарматов из могильника Ольховка II [24, с. 293–337].

На зубах сарматов I–II вв. н. э. был зафиксирован еще один вид **маркерэпизодического стресса – горизонтальные линии эмалевой гипоплазии (недостаточности, далее – ЭГ).** Эмалевая гипоплазия – одна из наиболее часто встречаемых патологий при исследовании палеопопуляций [53]. В случаях ее обнаружения в подавляющем большинстве она проявлялась в виде горизонтальных линий (истончения толщины эмалевого покрова) на поверхности эмали постоянных зубов. ЭГ возникает в результате нарушения работы амелобластов в процессе продуцирования эмали зубов [48; 54, p. 281]. Причины появления нарушений эмалевого покрова на зубах ученые интерпретируют различно. Так А. Гудман и Дж. Роуз указывают ряд факторов, которые могут приводить к образованию ЭГ, – особенности окружающей среды, культурная специфика развития общества, генетические особенности, эпидемиологический фактор, специфика питания [49, p. 71–73]. Р.С. Коррукчини, изучая популяции на Барбадосе, предположил, что возникновение ЭГ связано со стрессом перехода от грудного вскармливания к обычной пище [46, p. 699–711]. А. Гудман и Дж. Роуз, М. Шультц и др., Д. Кук и Дж. Байкестра утверждают, что эмалевая недостаточность имеет строгую зависимость от развития инфекционных заболеваний [47; 56; 45], М. Блайкей и Г. Армелагос, Дж. Лукакс и др. высказывали мнение о недоедании как возможной причине гипоплазии эмали [43, p. 371–380; 52]. Таким образом, факторы различного происхождения эпизодического или хронического характера могут приводить к физиологическим нарушениям в организме человека, стимулирующим возникновение эмалевой гипоплазии.

Частота встречаемости эмалевой недостаточности в серии достаточно высока – 40% (см. табл. 3). Практически у половины взрослых мужчин выявляются дефекты эмали. У женщин этот признак встречается реже – 35%. Эмалевая гипоплазия выявляется даже у детей – 24%. Данные показатели встречаемости нарушения толщины эмали свидетельствуют о систематическом стрессе, перенесенном в детском возрасте.

Воспалительные процессы и признаки нехватки микроэлементов и витаминов. Анализ костных материалов среднесарматского времени показал низкие частоты встречаемости маркеров анемий в выборке взрослого населения. Признаки нехватки железа выявлены у 9% мужчин и 10% женщин (см. табл. 4). Вполне естественным является то, что признаки железодефицитной анемии в подавляющем большинстве случаев наблюдаются у детей. Данные наблюдения соответствуют результатам других исследователей, изучающих палеоматериалы синхронных серий раннего железного века (см. табл. 4).

У взрослого населения кочевников среднесарматского времени частоты встречаемости признаков воспалительных процессов достаточно низки – 4% на черепной коробке и 8% – на костях посткраниального скелета. Причем следы инфекций и воспалений в одинаковой мере редко выявляются как в мужской, так и в женской выборке (см. табл. 4, 6). Сравнивая показатели проявления периоститов у средних сарматов с представителями предыдущей культуры – раннесарматской, можно отметить, что в целом частоты очень близки (см. табл. 6).

Таблица 4

Частота встречаемости некоторых маркеров физиологического стресса у средних сарматов. Сравнительная таблица

Некоторые патологические признаки	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины			Дети		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%	S	n	%
VR	137	78	57	77	56	73	60	22	37	17	0	0
Cribraorbitalia	137	13	9	77	7	9	60	6	10	17	7	41
Поротический гиперостоз костей свода черепа	137	10	7	77	3	4	60	7	12	17	3	18
Пороз костей черепа	137	13	9	77	9	12	60	4	7	17	8	47
Лобный гиперостоз	137	10	7	77	4	5	60	6	10	17	1	6
Воспалительный пр.	137	5	4	77	3	4	60	2	3	17	4	24

Таблица 5

Частота встречаемости травматических повреждений у средних сарматов

Локализация повреждений	Суммарная группа			Мужчины			Женщины		
	S	N	%	S	n	%	S	n	%
Лицевые травмы	137	5	4	77	5	6	60	0	0
Свод черепа	137	8	6	77	3	4	60	5	8
Посткраниальный скелет	90	12	13	53	11	21	37	1	3

Несколько иная ситуация с признаками воспалений на костных материалах неполовозрелых индивидов: следы инфекций, как и маркеры анемии, выявляются на костях четверти выборки.

Установленные особенности распределения показателей встречаемости воспалительных процессов и признаков анемий в целом находят аналогии с тенденциями, зафиксированными на материалах раннесарматской культуры. Маркеры недостаточности железа в организме и периоститы чаще выявляются в серии неполовозрелых индивидов.

В то же время отметим снижение встречаемости всех основных маркеров эпизодического стресса у средних сарматов по сравнению с представителями предыдущей культуры.

Травмы. Еще одной наиболее важной особенностью средних сарматов Нижнего Поволжья и Дона является женский травматизм (табл. 5).

Всего было зафиксировано 7 случаев различного рода повреждений в женской выборке, выявлен ряд насильственных ранений, нанесенных боевым оружием – рубящим или дробящим. Вероятно, причину высокой встречаемости насильственного травматизма в женской серии стоит искать в крайней военизированности сарматского общества, где военным делом могли заниматься не только мужчины, но и женщины. В погребениях среднесарматских женщин нередки предметы вооружения. Так, например, в погребении из кургана 1 могильника Ольховка (на черепе женщины были обнаружены два рубленых дефекта) найден железный топор. Достаточно часто женщины-воительницы упоминаются в письменных источниках. Таким образом, палеоантропологический материал в который раз красноречиво свидетельствует в пользу предположения, сделанного А.М. Хазановым, который еще в 1971 г. высказал мнение о войске сарматов как народе-войске [42, с. 66].

Что касается мужчин, то травмы у них достаточно многочисленны и разнообразны по типу и локализации в отличие от женщин. Наиболее часто встречаемые повреждения – это переломы верхних и нижних конечностей, других частей тела, например позвоночника. В основном это простые травмы, которые можно охарактеризовать как несчастные случаи, в то же время был выявлен и ряд насильственных, боевых ранений.

Таблица 6

Сравнение встречаемости у сарматов некоторых патологий посткраниального скелета

Наименование	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Артроз	90	28	31	53	21	40	37	7	19
Артрит	90	6	7	53	6	11	37	0	0
Воспалительные процессы	90	7	8	53	5	9	37	2	5
Деформирующий артроз суставов позвоночника	90	14	16	53	9	17	37	5	14
Посмертные изменения	90	6	7	53	6	11	37	0	0

Таблица 7

Болезни позвоночника в среднесарматской группе

Наименование	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
	Остеофитоз								
Шейный отдел	91	17	19	53	11	21	37	6	16
Грудной отдел	91	19	21	53	14	26	37	5	14
Поясничный отдел	91	27	30	53	17	32	37	10	27
	Остеохондроз								
Шейный отдел	91	13	14	53	9	17	37	4	11
Грудной отдел	91	9	10	53	7	13	37	2	5
Поясничный отдел	91	10	11	53	7	13	37	3	8
	Узлы Шморля								
Шейный отдел	91	0	0	53	0	00	37	0	0
Грудной отдел	91	9	10	53	6	11	37	3	8
Поясничный отдел	91	14	15	53	7	13	37	7	19

Достаточно часто у среднесарматских мужчин встречаются травмы черепа, в основном повреждения лицевого отдела: носовых костей, верхней и нижней челюстей. Ранений костей свода черепа выявлено только три.

Болезни суставов и позвоночника и реконструкции воздействия механического стресса. Болезни суставов – артрозы и артриты – в виде дегенеративно-дистрофических изменений, разрастаний краев суставных поверхностей и мелких хрящевых грыж отмечены у 31% исследованных средних сарматов (табл. 7). Причем большая часть артрозов (8 из 11) зафиксирована в мужской группе, а артриты – только в мужской (табл. 6). Деформирующие изменения суставов имеют четкую возрастную направленность. В среднесарматской группе артрозы начинают встречаться у индивидов в возрасте 20–35 лет, а пик их приходится на такие возрастные когорты, как «maturus-senilis», достигая 50%-ного показателя (табл. 7).

Среди отмеченных болезней позвоночника наиболее часто фиксируются хрящевые грыжи и остеофитоз. Широко распространены узлы Шморля – хрящевые грыжи, возникающие в результате тяжелых физических нагрузок, перенесенных в молодом возрасте (табл. 6, 7). Так же, как и дегенеративные изменения суставов длинных костей, болезни позвоночника имеют возрастную зависимость, чаще всего встречаясь у населения старше 35 лет, что в принципе не противоречит клиническим данным. Однако, наряду с естественным процессом старения, который является основной причиной появления болезней позвоночника, данные патологии позвоночного столба вполне могут отражать и физическую перегрузку организма.

Таким образом, в результате исследования патологий опорно-двигательной системы можно предположить, что на протяжении жизни средние сарматы испытывали значительные по силе физические нагрузки. При-

чем особенно интенсивное их воздействие, вероятнее всего, приходится на 30-летний возраст – как для мужчин, так и для женщин. Зафиксированные различия в степени изношенности суставов и артрозных заболеваний, скорее всего, свидетельствуют в пользу крайней специализации разнополых групп.

Заключение. При обследовании половозрастной структуры изучаемой группы сарматов было зафиксировано превалирование мужской части серии над женской группой. Подавляющее большинство женщин умирало в детородном возрасте, в то время как мужчины жили дольше, что и отразилось на среднем возрасте смерти, который составил 37,2 года. Показатель среднего возраста смерти, достигающий практически 36 лет, указывает на высокую степень стрессоустойчивости исследуемой группы.

Анализ маркеров стресса, которые проявляются на зубной системе, позволяет также сделать предположение о достаточно высокой резистентности изучаемой выборки кочевников. Так, частота проявления кариеса у средних сарматов по сравнению с представителями предыдущей сарматской культуры снижается, что, вероятнее всего, связано с более стабильным уровнем жизни. Выявленные случаи эмалевой гипоплазии – маркера эпизодического стресса – указывают на то, что более 40% населения удачно справилось со стрессом в детском возрасте, пережив наиболее трудное и опасное время.

Данный вывод подтверждают и результаты оценки частот проявления стрессов, связанных с развитием воспалительных заболеваний и нехваткой микроэлементов в организме. Низкий процент встречаемости маркеров распространения в исследуемой группе инфекций и поротического гиперостоза – признака железодефицитной анемии – скорее всего также отражает то обстоятельство, что, в отличие от сарматов IV–I вв. до н. э., у кочевников I–II вв. н. э. устанавливается более благоприятная адаптивная ситуация в группе.

Специфический набор патологий зубочелюстной системы, сочетающий в себе низкий процент встречаемости кариеса и абсцессов с высокими частотами зубного камня, пародонтоза, дает возможность предположить, что сарматы I–II вв. н. э. специализировались на диете, которая состояла в основном из молочных и мясных продуктов.

Анализ одного из наиболее важных стрессоров – травматизма – показал: ранения с летальным исходом достаточно редки, большая часть повреждений прижизненного характера имеет благоприятный исход, что свидетельствует об использовании высококачественного защитного вооружения. Кроме этого, кочевники среднесарматского времени, вероятно, имели хорошие навыки полевой медицины, о чем свидетельствуют залеченные ранения и проведенные хирургические операции (усекновение конечности и трепанация). Большинство повреждений зафиксировано у мужского зрелого населения, которое находилось в возрасте 35–50 лет. Выявленные травмы были получены в молодости, задолго до смерти. Большая частота встречаемости дефектов насильственного и случайного характера на костях зрелых индивидов свидетельствует о мобильности молодой мужской части населения среднесарматских племен, которые большую часть своей жизни проводили в военных походах. Вероятно, молодежь сарматов погибала на стороне и редко попадала на родовые кладбища.

Для женщин-кочевников I–II вв. н. э. характерен высокий процент боевых ранений, что доказывает наличие женщин в боевых формированиях наряду с мужчинами в среднесарматское время. Вероятно, у кочевников I – второй половины II в. н. э. военное дело являлось одним из основных занятий, что подтверждается не только письменными и археологическими данными, но и анализом антропологического материала.

Наиболее активной частью населения I–II вв. н. э. были мужчины, что подтверждают признаки проявления холодового стресса, выявленные в группе, а также анализ маркеров физических нагрузок. В серии фиксируются отчетливые показатели присутствия полового диморфизма. Уровень механического стресса так же, как и признаков воздействия низких температур, особенно сильно проявляется у зрелого мужского населения в возрасте от 35 до 50 лет. Распространение артрозов, болезней позвоночника, поражения локтевого, лучезапястного, крестцово-подвздошного и тазобедренного суставов указывает на присутствие у средних сарматов механического стресса, связанного с верховой ездой.

Выявлены у средних сарматов и признаки распространения гормональных заболеваний. По мнению С.А. Соколовой [39] и А.П. Бужиловой [11], фиксация лобного гиперостоза у сарматов может быть следствием недостатка женского полового гормона у женщин и избытком его у мужчин. Таким образом, можно

сделать предположение, что несбалансированность питания и однообразность пищи приводили к ожирению у сарматов; стрессы, связанные со сменой среды обитания, обусловленные тяжелыми условиями жизни, постоянное времяпрепровождение в седле, влияющие на нарушение половых функций, – все это, вероятно, приводило к развитию серьезных нарушений и заболеваний, связанных с гормональным дисбалансом.

Список литературы

1. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропоэкологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный Мир, 2003.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
3. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966.
4. Балабанова М.А. Сарматское население Волго-Донского междуречья (по материалам Терновского могильника) // НАВ. 1998. № 1. С. 60–68.
5. Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000.
6. Балабанова М.А. Антропология сарматских диагональных погребальных комплексов // НАВ. 2002. Вып. 5. С. 82–94.
7. Балабанова М.А., Перерва Е.В. и др. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала РАНХиГС, 2014.
8. Батиева Е.Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Международная конференция «Антропология на пороге III тысячелетия (итоги и перспективы)»: тез. докл. М.: Мосты культуры, 2002. С. 16–17.
9. Бужилова А.П. Древнее население (Палеопатологические исследования). М., 1995.
10. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
11. Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (Антропологический анализ кремированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН. 2000.
12. Бужилова А.П., Каменецкий И.С. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский-I) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 208–213.
13. Бужилова А.П. Homosapiens: История болезни. М.: Яз. славян. культуры, 2005.
14. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
15. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. : монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005.
16. Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 65–68.
17. Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.). М., 1997. С. 46–128.
18. Засецкая И.П. «Диагональные погребения» Нижнего Поволжья и проблема их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. Вып. 20. С. 20–28.
19. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
20. Медицинский словарь (Oxford). Т. 1 (А-М) / пер. с англ. под ред. Г.Л. Билича. М.: Вече, 2001.
21. Мошкова М.Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер.: Археология СССР. М.: Наука, 1989.
22. Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М.: Изд-во ИА РАН, 2002. С. 141–152.
23. Перерва Е.В. О скальпировании у сарматов (по материалам из могильника Новый) // РА. 2005. №3. С. 36–44.
24. Перерва Е.В. Палеопатология ранних и средних сарматов Есауловского Аксая // НАВ. 2006. Вып. 8. Волгоград, 2006. С. 50–73.
25. Перерва Е.В. Рентгенологическое исследование деформированных черепов эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья (Палеопатологический аспект) // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2 (24). С. 7–19.
26. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (Кости людей различных эпох: Нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1960.
27. Рыков С.П. Сусловский курганный могильник // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. 4. Вып. 3. С. 28–102.
28. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.
29. Сергацков И.В. О конечной дате раннесарматской культуры // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 113–122.
30. Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной

хронологии. Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 107–116.

31. Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 158–164.

32. Симоненко А.В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 187–204.

33. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории: тез. докл. конф. Азов, 1988. С. 118–132.

34. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990.

35. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: науч. докл., представленный в качестве дис. … д-ра ист. наук. М.: 1992.

36. Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.

37. Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213.

38. Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона в IV в. до н. э. – II в. до н. э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3. С. 33–45.

39. Соколова М.А. Образ жизни и гормональные нарушения на примере сарматских племен // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. Москва, 15–17 нояб. 2004 г.: тез. М., 2004. С. 188–190.

40. Тур С.С., Рыкун М.П. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История. 2008. № 4/2. С. 191–199.

41. Финкельштейн М.А. Рентгенологические исследования палеопатологических материалов из могильников у сел Новоникольского и Верхнее Погромное // Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 205–207.

42. Хазанов А.М. Очерки военного дела у сарматов. М., 1971.

43. Blakey M.L., Armelagos G.J. 1985. Deciduous enamel defects in prehistoric Americans from Dickson Mounds: prenatal and postnatal stress. Am J PhysAnthropol 66. P. 371–380.

44. Consiglio C. Non Masticastory Dental Lesion in the Study of Biology and Behavior of Ancient Populations: The contribution of the Stereomicroscoy and Scanning Electron Microscopy // Academic Dissertation. 2008. P. 443.

45. Cook D.C., Buikstra J.E. Health and differential survival in prehistoric populations: prenatal dental defects. Am.J.Phys. Anthropol. 1979. № 51. P. 649–664.

46. Corruccini R.S. Handler J.S., Jacobi K.P. Chronological distribution of enamel hypoplasias and weaning in a Carribbean slave population Hum. Biol. 1985. № 51. P. 699–711.

47. Goodman A.H., Rose J.C. Dental enamel hypoplasia as indicators of nutritional status // In: Kelley MA, Larsen CS, editors. Advances in dental anthropology. N.Y.: Wiley Liss, 1991.

48. Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.L., Clark G. Indications of Stress from Bone and Teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. Eds. Cohen M.N. and Armelagos G.L. Orlando, 1984. P. 13–49.

49. Goodman A., Rose J.C. Assessment of Systemic Physiological Perturbations From Dental Enamel Hypoplasias and Associated Histological Structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59–110.

50. Hershkovitz I. Hyperostosis FrontalisInterna: An Anthropological Perspective / I. Hershkovitz, Ch. Greenwald, B.M. Rothschild, B. Latier, O. Dutour, L.M. Jellema, S. Wish-Baratz // American Jornal of Anthropology. 1999. №. 109. P. 303–325.

51. Hillson S. Teeth. Cambridge manuals in Archaeology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1985.

52. Lukacs J.R., Walimbe S.R., Floyd Br.Epidemiology of enamel hypoplasia in deciduous teeth: Explaining variation in prevalence in western India // American Journal of Human BiologyVolume 13, Issue 6, November/December 2001. P. 788–807.

53. Maclellan E. Linear Enamel Hypoplasia: What Can it Say Aboutthe Condition of Childhood? // Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology Vol. 13. Is. 1. Article 7, 6-21-2011. P. 41–52.

54. Obertova´ Z.,Thurzo M. Relationship between Cribra Orbitalia and Enamel Hypoplasiain the Early Medieval Slavic Population at Borovce, Slovakia // International Journal of Osteoarchaeology Int. J. Osteoarchaeol. 2008. № 18. P. 280–292.

55. Rau P. Die Hugelgraberromisher Zeit an Unteren Wolga. P.D. Rau. Pokrowsk, 1927.

56. Schultz M., Timme U., Schmidt-Schultz T.H. Infancy and Childhood in the Pre-Columbian North American Southwest–First Results of the Palaeopathological Investigation of the Skeletons from the Grasshopper Pueblo, Arizona // International Journal of Osteoarchaeology Int. J. Osteoarchaeol. 2007. № 17. P. 369–379.

* * *

1. Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaja G.V. Vlahi. Antropojekologicheskoe issledovanie (po

materialam srednevekovogo nekropolja Mistihali). M.: Nauchnyj Mir, 2003.

2. Alekseev V.P., Debec G.F. Kraniometrija. Metodika antropologicheskih issledovanij. M.: Nauka, 1964.

3. Alekseev V.P. Osteometrija. Metodika antropologicheskih issledovanij. M.: Nauka, 1966.

4. Balabanova M.A. Sarmatskoe naselenie Volgo-Donskogo mezhdurech'ja (po materialam Ternovskogo mogil'nika) // NAV. 1998. № 1. S. 60–68.

5. Balabanova M.A. Antropologija drevnego naselenija Juzhnogo Priural'ja i Nizhnego Povolzh'ja. Rannij zheleznyj vek. M.: Nauka, 2000.

6. Balabanova M.A. Antropologija sarmatskih diagonal'nyh pogrebal'nyh kompleksov // NAV. 2002. Vyp. 5. S. 82–94.

7. Balabanova M.A., Pererva E.V. i dr. Kurgannyj mogil'nik Perergruznoe I: rezul'taty mezhdisciplinarnyh issledovanij. Volgograd: Izd-vo Volgogr. filiala RANHiGS, 2014.

8. Batieva E.F. Travmaticheskie porazhenija kostej skeleta u naselenija Nizhnego Podon'ja v sarmatskoe vremja // Mezhdunarodnaja konferencija «Antropologija na poroge III tysjacheletija (itogi i perspektivy)»: tez. dokl. M.: Mosty kul'tury, 2002. S. 16–17.

9. Buzhilova A.P. Drevnee naselenie (Paleopatologicheskie issledovanija). M., 1995.

10. Buzhilova A.P. Paleopatologija v bioarheologicheskih rekonstrukcijah // Istoricheskaja jekologija cheloveka. Metodika biologicheskih issledovanij. M., 1998. S. 87–147.

11. Buzhilova A.P., Kozlovskaja M.V. Byli li skify tuchnymi? (Antropologicheskij analiz kremirovannyh ostankov iz skifskogo pogrebenija) // Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. je. Paleojekologija, antropologija i arheologija. M.: IA RAN. 2000.

12. Buzhilova A.P., Kameneckij I.S. Sarmaty i boevye stolknovenija (analiz cherepnyh travm na primere materialov iz mogil'nika Sagvanskij-I) // OPUS. Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii. M., 2004. Vyp. 3. S. 208–213.

13. Buzhilova A.P. Homosapiens: Istorija bolezni. M.: Jaz. slavjan.kul'tury, 2005.

14. Gluhov A.A. Sarmaty mezhdurech'ja Volgi i Dona v I – pervoj polovine II v. n. je.: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Volgograd, 2001.

15. Gluhov A.A. Sarmaty mezhdurech'ja Volgi i Dona v I – pervoj polovine II v. n. je. : monografija. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2005.

16. Zhelezchikov B.F. Verojatnaja chislennost' savromato-sarmatov Juzhnogo Priural'ja i Zavolzh'ja v VI v. do n. je. – I v. n. je. po demograficheskim i jekologicheskim dannym // Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja. M.: Nauka, 1984. S. 65–68.

17. Zhelezchikov B.F. Analiz sarmatskih pogrebal'nyh pamjatnikov IV–III vv. do n. je. // Statisticheskaja obrabotka pogrebal'nyh pamjatnikov Aziatskoj Sarmatii. Vyp. II: Rannesarmatskaja kul'tura (IV–I vv. do n. je.). M., 1997. S. 46–128.

18. Zaseckaja I.P. «Diagonal'nye pogrebenija» Nizhnego Povolzh'ja i problema ih jetnicheskoj prinadlezhnosti // ASGJe. 1974. Vyp. 20. S. 20–28.

19. Klepikov V.M. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ja v IV–III vv. do n. je. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2002.

20. Medicinskij slovar' (Oxford). T. 1 (A-M) / per. s angl. pod red. G.L. Bilicha. M.: Veche, 2001.

21. Moshkova M.G. Hozjajstvo, obshhestvennye otnoshenija, svjazi sarmatov s okruzhajushhim mirom // Arheologija SSSR. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja. Serija: Arheologija SSSR. M.: Nauka, 1989.

22. Pererva E.V. Paleopatologija pozdnih sarmatov iz mogil'nikov Esaulovskogo Aksaja // OPUS. Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii. Vyp. 1–2. M.: Izd-vo IA RAN, 2002. S. 141–152.

23. Pererva E.V. O skal'pirovanii u sarmatov (po materialam iz mogil'nika Novyj) // RA. 2005. №3. S. 36–44.

24. Pererva E.V. Paleopatologija rannih i srednih sarmatov Esaulovskogo Aksaja // NAV. 2006. Vyp. 8. Volgograd, 2006. S. 50–73.

25. Pererva E.V. Rentgenologicheskoe issledovanie deformirovannyh cherepov jepohi srednej bronzy s territorii Nizhnego Povolzh'ja (Paleopatologicheskij aspekt) // Vestn. VolGU. Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2013. № 2 (24). S. 7–19.

26. Rohlin D.G. Bolezni drevnih ljudej (Kosti ljudej razlichnyh jepoh : Normal'nye i patologicheskie izmenenija). M.; L.: Nauka, 1960.

27. Rykov S.P. Suslovskij kurgannyj mogil'nik // Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. 1925. T. 4. Vyp. 3. S. 28–102.

28. Sergackov I.V. Sarmatskie kurgany na Ilovle. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000.

29. Sergackov I.V. O konechnoj date rannesarmatskoj kul'tury // NAV. 2000. Vyp. 3. S. 113–122.

30. Sergackov I.V. K hronologii srednesarmatskoj kul'tury Nizhnego Povolzh'ja // Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noj hronologii. Doklady k 5-j Mezhdunarodnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Krasnodar, 2004. S. 107–116.

31. Simonenko A.V. Osobennosti rannesarmatskoj kul'tury Severnogo Prichernomor'ja // Rannesarmatskaja kul'tura: formirovanie, razvitie, hronologija: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Vyp. 1. Samara: Izd-vo SNC RAN, 2000. S. 158–164.

32. Simonenko A.V. Sootnoshenie ranne- i srednesarmatskoj kul'tur v Severnom Prichernomor'e // Rannesarmatskaja kul'tura: formirovanie, razvitie, hronologija: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Vyp. 2. Samara: Izd-vo SNC RAN, 2000. S. 187–204.

33. Skripkin A.S. Aziatskaja Sarmatija: problemy istorii i kul'tury // Problemy sarmatskoj arheologii i istorii: tez. dokl. konf. Azov, 1988. S. 118–132.

34. Skripkin A.S. Aziatskaja Sarmatija. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1990.

35. Skripkin A.S. Aziatskaja Sarmatija. Problemy hronologii, periodizacii i jetnopoliticheskoj istorii: nauch. dokl., predstavlennyj v kachestve dis. … d-ra ist. nauk. M.: 1992.

36. Skripkin A.S. Jetjudy po istorii i kul'ture sarmatov. Volgograd, 1997.

37. Smirnov K.F. O pogrebenijah roksolan // VDI. 1948. № 1. S. 213.

38. Smirnov K.F. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ja i mezhdurech'ja Volgi i Dona v IV v. do n. je. – II v. do n. je. (istoriko-arheologicheskij ocherk) // SA. 1974. № 3. S. 33–45.

39. Sokolova M.A. Obraz zhizni i gormonal'nye narushenija na primere sarmatskih plemen // Jekologija i demografija cheloveka v proshlom i nastojashhem. Moskva, 15–17 nojab. 2004 g. : tez. M., 2004. S. 188–190.

40. Tur S.S., Rykun M.P. Naselenie andronovskoj kul'tury Altaja po dannym bioarheologicheskogo issledovanija // Izv. Alt. gos. un-ta. Ser.: Istorija. 2008. № 4/2. S. 191–199.

41. Finkel'shtejn M.A. Rentgenologicheskie issledovanija paleopatologicheskih materialov iz mogil'nikov u sel Novonikol'skogo i Verhnee Pogromnoe // Ocherki po istorii drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ja. L.: Nauka, 1975. S. 205–207.

42. Hazanov A.M. Ocherki voennogo dela u sarmatov. M., 1971.

Markers of stress of the Sarmatians in the I-II centuries BC in the Lower Volga region (paleontological aspect)

The article deals with the features of stress markers of representatives of the middle Sarmatian period. The bone remains as the source for research originate from the kurgan burials at the Lower Volga region and Lower Don. The method of paleopathological investigation elaborated by A.P. Buzhilova(1995, 1998)was used to carry out the paleopathological analysis.

Key words: *markers of stress, paleopathology, the Sarmatians, Lower Volga region.*

(Статья поступила в редакцию 11.10.2016)

А.Л. КЛЕЙТМАН
(Волгоград)

ИСТОРИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ АКАДЕМИКА Н.Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО (1782–1783 гг.)*

Проанализированы сведения по истории Нижнего Поволжья, приведенные в путевых заметках академика Н.Я. Озерецковского, посетившего регион в 1782–1783 гг. На страницах дневника ученого впервые нашли отражение исторические легенды и предания о Петре I, получившие распространение среди местных жителей региона в конце XVIII–XIX в. Документальные материалы путешествия Н.Я. Озерецковского позволяют датировать время зарождения этих историографических сюжетов 1780-ми гг.

Ключевые слова: *Н.Я. Озерецковский, научные экспедиции, Нижнее Поволжье, Саратов, Астрахань, Царицын, Камышин.*

Путевые заметки, дневники ученых, в XVIII в. посещавших Нижнее Поволжье, являются информативными историческими источниками, а также одними из первых научных сочинений, посвященных региональной истории. Особый интерес в контексте историографии Нижнего Поволжья представляет дневник академика Н.Я. Озерецковского, описывающего свое путешествие по Волге в 1782–1783 гг.

Николай Яковлевич Озерецковский родился в 1750 г. в с. Озерецковском Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. После окончания семинарии в 1767 г. как один из лучших учеников он был направлен в Санкт-Петербургскую академию наук для участия в физической экспедиции, организованной для комплексного изучения территории Российской империи. Н.Я. Озерецковский был включен в экспедиционный отряд академика И.И. Лепехина, в составе которого он в первый раз посетил Нижнее Поволжье. По возвращении из путешествия в 1773 г. за успехи в научной работе Н.Я. Озерецков-

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-11-34004а(р) «Историческое регионоведение Нижнего Поволжья XVIII – начала XX в. как историографическое и социокультурное явление».

© Клейтман А.Л., 2016